

Эдмунд Гуссерль

Рассуждение о методе

Эдмунд Гуссерль

Рассуждение о методе

«Издательские решения»

Гуссерль Э.

Рассуждение о методе / Э. Гуссерль — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517915-9

Э. Гуссерль усматривает главную причину кризиса философии в ее нежелании обращаться к проблемам смысла. Строгость философии заключается в способности дойти до «первоначал» познания. Интенциональность — фундаментальное свойство сознания, которое обнаруживается при феноменологической редукции: переходя от сосредоточения на объектах к сосредоточению на переживаниях сознания, в котором эти объекты даются, обнаруживается связь сознания с этими объектами в форме указаний на них.

ISBN 978-5-00-517915-9

© Гуссерль Э.
© Издательские решения

Содержание

Обоснование Э. Гуссерлем необходимости четкого разграничения сфер применения экспериментального и феноменологических методов ¹	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Рассуждение о методе

Эдмунд Гуссерль

Составитель Татьяна Юрьевна Ирмияева

© Эдмунд Гуссерль, 2020

ISBN 978-5-0051-7915-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обоснование Э. Гуссерлем необходимости четкого разграничения сфер применения экспериментального и феноменологических методов¹

С момента возникновения, философия притязала быть строгой наукой, которая удовлетворяла бы высоким *теоретическим* потребностям и в этико-религиозном отношении делала бы возможной жизнь, управляемую чистыми нормами разума. И ни в одну эпоху своего существования философия не удовлетворяла этим притязаниям.

И вот чем мы располагаем. Философия, имея целью стать строгой наукой, прошла сквозь горнило критической рефлексии и по пути углубила исследования о методе. В результате научную строгость обрели все дисциплины о природе и духе, равно как и новые математические дисциплины. Философия, оставаясь самостоятельной, отъединенной от других наук дисциплиной, характера строгой науки не приобрела. Даже сам факт дифференциации философии от других наук остался без надежного научного определения: как философия относится к наукам о природе и духе, приводит ли нас философский момент к новому измерению или оставляет в одной плоскости с эмпирическими науками о жизни? Ясного ответа нет. Даже самый смысл *философской проблемы* не приобрел научной определенности.

Высшая и самая строгая из наук, как она сама понимает свою историческую задачу, представительница исконного притязания человечества на чистое и абсолютное познание и на чистую и абсолютную оценку и волю, признанная учительница гуманизма, философия не в состоянии *учить*: учить объективно значимым образом. Кант любил говорить, что можно научить философствованию, но не философии. Так вот оно и есть – признание ненаучности философии!

Наука не означает завершенность. У науки может быть бесконечный горизонт открытых проблем, которые питают собой стремление к *их познанию*. В разработанных научных направлениях всегда находятся недостатки и неточности, неясности и несовершенства в систематическом распорядке документов и теорий. Но научное содержание есть в них всегда. В объективно обоснованной теории не усомнится ни один разумный человек. Дисциплина, становящаяся научной, еще открыта для «мнений» и «точек зрения», но по мере того как они уточняются и объективируются, наука приобретает содержание, которому очевидно можно научиться и научить. А если достигнут такой результат, то вопрос о смысле данной научной дисциплины отпадает.

Несовершенство философии совсем другого рода. Все вместе и каждое в отдельности в ней – спорно, индивидуально. Научная мировая философская литература предлагает нам замыслы, основывающиеся на необъятной работе духа. Но все это в качестве основы философской науки не годится, и нет никакой надежды с помощью критики выделить из всего этого наследия хотя бы частицу *подлинного философского учения*.

В философии должен быть совершен переворот, который подготовит почву для будущей «системы» философии. И сразу возникают вопросы:

- хочет ли философия и в дальнейшем притязать на роль строгой науки?
- может ли она удерживать при себе это притязание?
- должна ли она притязать на эту роль?

И что это за «переворот»? Ведь философия и так исторически устремлена к своей цели стать строгой наукой, а переворот – не значит ли это уклонение от идеи строгой науки? А что значит «система» для философии? Не является ли она целиком и полностью из головы гения,

¹ Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логос. 1911.

систематизировавшего усилия поколений в этом направлении? Или «система» философии начнется с обнаружения ее теоретического фундамента, общего для всех строителей философского здания?

Этот фундамент уже есть, но он все время пропускается мимо ушей любителями философствования. Условия научной строгости философии заключаются в *критике разума*. «Перевороты» от философствования к философии как строгой науке были совершаемы Сократом, Платоном, Декартом и Кантом. Но уже у Гегеля критика разума отсутствует. Так ослабилось и исказилось историческое стремление к построению строгой философской науки.

Гегельянство вызвало искажение, которое сказалось в современном усилении точных наук и чрезвычайно сильной поддержке натурализма XVIII века и скептицизма, исключаяющим абсолютную идеальность и объективность оценки. Такова физиономия новейшего времени. Гегель, выдвинув тезис об относительной истинности всякой философской системы для своего времени, отнял у последней ее генеральное, историческое стремление к строгой научности. Метафизическая философия истории у Гегеля превратилась в скептический историцизм, породивший «философию мировоззрения». Радикальное стремление к научному учению, действительное вплоть до Канта, оказалось затушено и забыто.

Великие интересы человеческой культуры требуют образования строгой научной философии, и в свете их «переворот» в философии означает новую попытку обоснования философии как строгой науки. Это стремление опосредованно выразилось даже в самом господствующем ныне материализме, который собой подменил идею строго научной реформы философии и даже уверен, что уже осуществил ее. Эта претензия натурализма ложна теоретически и практически в своем основании и представляет опасность для культуры. Натуралистическая философия должна подвергнуться радикальной критике. Особенно велика необходимость в критике ее основоположения и методов. Только такая критика способна удержать в целостности доверие к возможности научной философии, которое, увы, подорвано *познанием* бессмысленных *следствий* строящегося на строгой, опытной науке натурализма. Мы видим сегодня натурализм как строгую науку и подверстанное к нему философствование. Под влиянием историцизма философия уклоняется больше в философию мирозерцания. В современной философии представление об абсолютных идеях смазано.

Натурализм есть следствие «открытия природы» – единства пространственно-временного бытия, существующего по своим точным законам. Данная идея природы реализовалась в естественных науках, обосновавших массу строгих познаний этих законов природы. Историцизм есть следствие «открытия истории». Идея истории реализовалась в науках о духе.

Натуралист ничего кроме физической природы не видит. Для него все сущее есть психофизическая природа, что однозначно определено твердыми законами. Представитель наук о духе все рассматривает как историческое образование. И тот и другой отбрасывают то, что не вмещается в эти представления. Причем ничто существенно для нас не изменяется в натуралистическом понимании, если физическая природа чувственно разрешается в комплексы ощущений, в цвета, звуки, давления и т. д. Психическое объясняется как дополнительный ряд фактов физических перемен или чувственных ощущений.

Таким образом, мы видим в современных философских идеях натурализма, начиная с материализма и кончая монизмом и энергетизмом, натурализацию *сознания*, включая и все *интенционально-имманентные данности* сознания, с одной стороны, и *натурализацию идей*, а с ними вместе и всех абстрактных идеалов и норм – с другой. В последнем случае натурализм сам себя упраздняет, не замечая того. Если взять формальную логику как примерный перечень всего идеального, то натурализм истолковывает формально-логические принципы (законы мысли) как законы *природы мышления*. А это бессмыслица, которая характеризует всякую в точном смысле скептическую теорию. Бессмыслица натурализма заключается в том,

что он, выходя на предельно общие понятия, натурализирует разум и тем самым мнимо обосновывает свои теории, порождая философствование.

Здесь мы видим слабость философской аргументации из следствий научного эксперимента. То есть подсознательно продолжается поиск строгой научности философии, но она не признается способной быть строгой наукой сама по себе. и натурализм выстраивает ей фундамент точной науки. Натурализм взялся за эту задачу. пытаясь реализовать принцип строгой научности в сфере духа. как в природе. в теории. как в практике, стремясь этим научно решить философские проблемы *бытия и ценности*. В этом победительная сила натурализма, хотя его решения неверны. Натурализм в своей высшей идеальной законченности стремится представить себя самым разумом. Это колоссальное здание выстроено на песке самоуверенным причислением к области строгой науки всех теоретических, аксиологических и практических идеалов, которые натурализм, перетолковывая их эмпирически, в то же время делает ложными.

Итак, следует из общих утверждений перейти к рассмотрению возможностей реализации идеи о философии как строгой науке.

Проблематика философии как строгой науки.

Выяснение их (проблем) чистого смысла.

Собственные методы, которые востребованы сущностями этих проблем.

Таково действительное начало этой науки. И здесь необходима положительная, принципиальная, отграничивающая и разъясняющая критика натурализма, его оснований, методов и результатов. Рассмотрим *натурализацию сознания*.

Все говорит о том, что научная философия как будто создана. Философия, которую натурализм вооружил собственным методом и дисциплиной.

А если спросить прямо, где же точная, как всякая строгая наука, философия сама по себе, без подпорок натурализма, то нам укажут на *экспериментальную психологию*, другую строгую науку. Теперь-то уж это и есть строго научная философия, фундамент для логики, теории познания, эстетики, этики и педагогики, на основании которой все эти науки в скором времени станут экспериментальными дисциплинами. Строгая психология, само собой разумеется, есть основа всех наук о духе и основа метафизики. Но метафизика еще опирается и на физику, потому что физическое существование в равной степени участвует в обосновании этого наиболее общего учения о действительности (метафизики). От такого предложения следует отказаться, так как психология, как наука о фактах, не может быть фундаментом тем философским дисциплинам, которым приходится иметь дело с чистыми принципами всякой нормировки – чистой логики, чистой аксиологии и практики. Теперь зададимся вопросом, могут ли естествознание и теория познания обосновывать друг друга?

Против гносеологического психологизма и физицизма скажем следующее. Всякое естествознание, и психология в том числе, основывается на физических данностях, описываемых в суждениях опыта. Естествознание не может быть описано в философских категориях, оценено ради целей метафизики, и потому оно не может быть основой философии. Естествознание принимает природу как данность и *весь*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.